

Предновогодний рынок был необычайно оживлённым, народу собралось очень много, и на не слишком широкой улице люди теснились плечом к плечу. Северный ветер нёс с собой холод; люди втягивали шеи, растирали руки, все были закутаны в толстые ватные куртки и штаны, но всё равно пришли сюда ради этой суеты и веселья.

Цуй Ланьфан сошла с воловьей повозки, крепко держа Цинь Баньбань за руку, ещё и придерживая Цинь Жунши, и всё равно спокойно наставляла:

— Все держитесь поближе, не потеряйтесь!

Лю Гуюй каждый рыночный день выставлял лоток, но самому продавать и смотреть, как продают другие, - всё-таки не одно и то же. Куда ни глянь, всё казалось свежим и любопытным. Он увидел у дороги лоток с каллиграфией и картинами. Торговал бедный студент: на нём была старая одежда, заштопанная и выстиранная до белёсости; обе руки он спрятал в рукава и, прислонившись к стене, дремал. На лотке лежали каллиграфические свитки, картины и парные новогодние надписи. Ярко-красный цвет особенно притягивал взгляд.

— Эй! Тут продают парные надписи! — позвал Лю Гуюй. — Новый год ведь скоро, может, купим пару домой?

Цуй Ланьфан, услышав это, улыбнулась, потом повернула голову к Цинь Жунши и сказала:

— Эрлан умеет писать. В прежние годы парные надписи для нашего дома всегда писал он. Нам нужно только купить красной бумаги и принести домой.

Вот об этом он и забыл: в доме ведь был свой студент!

Лю Гуюй по её словам пошёл и купил красной бумаги. Перед самым Новым годом даже красная бумага подорожала.

По дороге Цуй Ланьфан ещё болтала:

— Эрлан в последние два года на Новый год тоже ставил в деревне лоток и писал для односельчан весенние парные надписи. Денег не брал, только думал заработать пару яиц, чтобы дома улучшить питание. Жаль, в нашей деревне уже есть сюцай, все шли становиться в очередь к Лю-сюцаю, а наш лоток пустовал, никто не подходил.

Но причина была не только в этом. Ещё и потому, что в то время у семьи Цинь всё шло наперекосяк, а отец Цинь как раз недавно умер. Деревенские были суеверны; тем более в такой хороший предновогодний день они не хотели пользоваться надписями, написанными Цинь Жунши, боялись подцепить дурную неудачу. Иначе, пусть даже в деревне был Лю Цзайвэнь, но с известностью Цинь Жунши как маленького вундеркинда всё равно нашлись бы люди, которые попросили бы его написать парные надписи.

Цинь Жунши не любил вспоминать прежние трудности. Услышав это, он лишь слегка нахмурился и ровно сказал:

— Это уже прошлое. Матушка, зачем снова об этом говорить?

Голос у него был обычный, без заметного волнения.

Но Лю Гуюй всё равно хлопнул его ладонью и утешил:

— Хороший мальчик, по-моему, твои иероглифы куда красивее, чем у Нюданя! Когда мой отец был жив, он часто бранил Нюданя: говорил, что тот пишет иероглифы, будто собака лапой царапала, и каждый день заставлял его переписывать прописи! Просто деревенские не знают грамоты и не видят, хорошо написано или плохо, вот и просят его писать из года в год!

Под этим «Нюданем» он, конечно, имел в виду Лю Цзайвэня. Лю Гуюй не любил звать его этим изящным книжным именем и часто кричал просто: «Нюдань, Нюдань».

Цуй Ланьфан убрала красную бумагу в заплечную корзину и, потянув их за собой, сказала:

— Ладно, не будем о нём. Пойдём дальше гулять, посмотрим, что ещё надо купить.

А купить нужно было и правда немало: бумагу и свечи для новогодних подношений, подарки для визитов к родне и новогодних поздравлений, семечки и сладости для угощения гостей...

Вскоре заплечная корзина уже была набита доверху.

Лю Гуюй ещё сказал:

— На Новый год я хочу сделать тушёную в маринаде свиную голову. Матушка, как думаешь?

Цуй Ланьфан, конечно, не стала возражать и кивнула:

— Как скажешь. Только каждый год перед Новым годом в деревне кто-нибудь режет свинью, у них дешевле, чем на мясных прилавках в городе. Тогда в деревне и купим. И деньги сэкономим, и лишний раз бегать не придётся.

Цинь Баньбань захлопала в ладоши и радостно сказала:

— Ура! Свиная голова в маринаде от брата Лю точно будет вкусной!

Цинь Жунши не сказал ни слова. Этот парень был словно закрытая тыква-горлянка: только и умел, что кивать да качать головой, в любое мгновение показывая, что «молчание - золото».

Лю Гуюй не мог смотреть, как он изображает немого, и хлопнул его ладонью по спине.

— Эрлан, а ты как думаешь?

От этого хлопка Цинь Жунши пошатнулся и едва не полетел вперёд. Удержав равновесие, он сердито взглянул на Лю Гуюя и недовольно сказал:

— Лишь бы тебе было радостно.

Лю Гуюй противно хихикнул, а затем снова начал загибать пальцы и считать:

— Можно ведь не только свиную голову замариновать, но ещё свиные уши, толстые кишки... Тогда надо будет сделать побольше.

Цинь Баньбань слушала внимательнее всех. Девочка говорила немного, зато поесть любила, и сейчас поддерживала его усерднее всех: хлопала в ладоши и раз за разом повторяла:

— Можно, можно, можно! Побольше, побольше!

Сказав это, они снова пошли гулять по рынку. Бамбуковая корзина, которую прежде несла на спине Цуй Ланьфан, уже перекочевала за спину Цинь Жунши, и внутри было полно покупок: красная бумага, бумага и свечи для подношений, семечки, арахис, а ещё они отвесили один цзинь цаоцзыгао.

По пути они добрались до Восточного рынка, и несколько знакомых торговцев окликнули Лю Гуюя.

— Хозяин Лю, сегодня не выставляешь лоток?

— Хозяин Лю, с семьёй на рынок пришёл? Ай-я, сколько всего накупили!

— Брат Цинь, таньюани будешь? Сегодня с начинкой из кунжута и красного сахара, вкусные!

...

Последние слова произнёс хозяин лотка с таньюанями - тот самый, что открылся на храмовой ярмарке. Цинь Жунши тогда подсказал ему: на храмовой ярмарке можно положить в таньюани освящённые монетки, чтобы привлечь добрый знак. Тот послушался, так и сделал, и дело

действительно пошло.

Этот человек помнил добро и каждый раз, видя Цинь Жунши, горячо звал его поесть танъюаней.

К слову, на той храмовой ярмарке был ещё один мужчина, который продавал танъюани, как раз рядом с прилавком Лю Гуюя, и между ними случилась небольшая неприятность. У того мужчины мастерство было средним, но раньше ни на храмовой ярмарке, ни на Восточном рынке танъюани больше никто не продавал, поэтому его торговля кое-как держалась. А теперь появилась эта новая палатка, и большую часть покупателей у него увели; и без того пустоватый лоток стал ещё более безлюдным.

Но нельзя же, раз помог человеку, каждый раз ходить к нему есть бесплатные танъюани. Цинь Жунши поблагодарил хозяина лотка с танъюанями и только сказал, что утром уже ел сладкое, вежливо отказавшись от его доброты.

На Восточном рынке съестных лотков было и правда немало: были те, кто продавал цукаты и сушёные фрукты - оранжево-красные сушёные лепёшки из хурмы, засахаренные варёные в сахаре финики, сливы, политые медом...

Впереди жарко горела печь для кунжутных лепешек-шаобинг. Хозяин работал проворно: раскатывал разложенные на доске куски теста, смазывал их ароматным маслом, посыпал горстью кунжута и отправлял в печь выпекаться. Лепёшки получались золотистые, хрустящие, и вкуснее всего было есть их с пылу с жару.

Раз уж пришли...

Лю Гуюй мысленно повторил эти три слова, потом повернулся к Цуй Ланьфан и сказал:

— Матушка, раз уж пришли, давайте поедим чего-нибудь и потом вернёмся.

Было только после полудня; у деревенских, в сущности, не было привычки обедать. Но они уже обошли большой круг, а теперь, когда вокруг тянулись такие ароматы, животы и правда начали урчать.

Цуй Ланьфан погладила Цинь Баньбань, которая с жадным ожиданием смотрела на лоток с лапшой с бараниной, и ей стало смешно. Раньше она как-то не замечала, что эта девочка такая лакомка, а теперь всего за несколько месяцев её лицо уже заметно округлилось.

— Хорошо, тогда поедим и вернёмся!

Четверо подошли к лотку с лапшой, сели и заказали по порции на каждого. Хозяин, продававший лапшу, тоже узнал Лю Гуюя. Улыбаясь, он принёс четыре большие чашки и

сказал:

— Сегодня большой рынок, а хозяин Лю не торгует?

Лю Гуюй, конечно, ответил улыбкой на улыбку и весело сказал:

— Вот, сопровождаю домашних за покупками! Новый год уже на носу, а дома ещё ничего не подготовлено!

Говоря это, он палочками переворачивал лапшу в чашке.

Лю Гуюй три месяца торговал на Восточном рынке и прекрасно знал, у кого какая еда вкусная, у кого всё приготовлено по-настоящему. Поэтому и привёл домашних именно сюда - к самой вкусной лапше с бараниной на всей этой улице. И именно потому, что она была хороша, несколько маленьких столиков и табуреток за лотком были уже заняты. Бульон варили на бараньих костях. На большой тарелке у разделочной доски лежали нарезанные ломтики баранины - очень тонкие и свежие; стоило пару раз провернуть их в кипящем бараньем бульоне, и они уже были готовы. Лапша тоже была упругой и гладкой, а когда пропитывалась бульоном, становилась ещё вкуснее.

Лю Гуюй дважды перевернул её палочками, и свежий аромат бараньего супа ударил прямо в нос.

Он похвалил:

— У хозяина Вана торговля всё такая же хорошая!

Хозяин лотка с лапшой рассмеялся и из вежливости ответил:

— Куда мне до торговли хозяина Лю! Вы сегодня лоток не выставили, а сколько посетителей приходило спрашивать! Услышали, что вас нет, и один за другим расстроились. Все спрашивали, придёте ли вы ещё до Нового года!

Пока они вдвоём обменивались деловыми похвалами, Цуй Ланьфан и остальные уже подцепили лапшу палочками и начали есть.

Съев горячую лапшу с бараниной, они взвалили покупки и отправились обратно в деревню. Сегодня на рынок пришло много людей, и у городских ворот стояло немало воловьих и муловых повозок, подбиравших пассажиров. Как раз там оказался знакомый второй дядюшка Чжан. Несколько человек погрузили вещи в повозку, сели и поехали обратно в деревню.

Они ещё дважды выставляли лоток, а на двадцать восьмой день двенадцатого месяца Лю Гуюй

заранее предупредил постоянных покупателей, что собирается возвращаться домой встречать Новый год: в эти дни торговать не будет и отдохнёт вплоть до окончания Праздника фонарей.

Перед Новым годом деревня тоже была необычайно оживлённой, повсюду царило праздничное настроение. В этот день в деревне кто-то резал новогоднюю свинью, и Лю Гуюй взял бамбуковую корзину, пошёл купить свиную голову, а ещё попросил немного свиных потрохов.

Свинью резала семья по фамилии Цянь. Люди они были неплохие, и отношения с односельчанами у них были хорошие. Услышав, что их семья собирается резать свинью, многие сами пришли помочь. После полудня ещё накрыли «свиную трапезу» с мясом, овощами, супами и похлёбками, целый большой стол.

Хозяева гостеприимно оставляли Лю Гуюя поесть, но между двумя семьями не было особой близости, и Лю Гуюй, конечно, не стал настолько бесстыдно оставаться. Он сказал пару шуточных слов, оставил деньги за мясо, взял вещи и ушёл.

На обратном пути нужно было пройти мимо дома семьи Лю. Лю Гуюй ещё издали увидел, что перед воротами их двора выстроилось с десяток человек; все держали в руках что-нибудь: кто несколько яиц, кто свёрток коричневого сахара. Все пришли с подарками просить Лю Цзайвэня написать весенние парные надписи.

Он остановился всего на один-два вдоха, но именно в этот момент его заметила Цяо Хуэйлань, вышедшая вынести Лю Цзайвэню воду и добавить угля! Увидев, что у Лю Гуюя в обеих руках покупки, она сразу просияла, тут же широкими шагами направилась к нему, очень по-свойски схватила за запястье и потянула во двор.

При этом она ласково и тепло приговаривала:

— Гуюй тоже пришёл просить твоего старшего брата написать парные надписи? Ай-я, ещё и столько всего принёс, разве стоило! Достаточно было бы двух яиц!

На словах она будто бы притворно отказывалась из вежливости, а на деле рука уже потянулась к свиной голове в корзине Лю Гуюя, ничуть не стесняясь.

Лю Гуюй:

— ???

Он вовремя отдернул корзину с мясом, потом поджал губы и посмотрел на Цяо Хуэйлань. Он и правда не мог понять: с виду такая культурная, изящная, а как заговорит - откуда только такая бесстыжность!

Цяо Хуэйлань схватила пустоту и неловко застыла с протянутой рукой, глядя на Лю Гуюя.

Особенно потому, что её громкие слова привлекли внимание деревенских, стоявших в очереди за весенними парными надписями, и все они теперь смотрели в их сторону.

Лю Гуюй рассмеялся и сказал:

— Вторая матушка, вы и правда умеете шутить! Вы с братом Нюданем живёте в доме, который оставил мой отец, и зарабатываете на частной школе моего отца. А я ведь его родной гэр. Неужели за то, чтобы написать мне парные надписи, вы хотите с меня ещё и подарок брать?

Цяо Хуэйлань поперхнулась от этих слов и не нашлась, что ответить. Зато из очереди раздались голоса:

— Верно ведь, у старого Лю-сюца только Лю-гэр и был родным ребёнком. Как старший брат может брать подарок за то, что напишет ему пару надписей?

— Да и незачем, разве нет? Эрлан из семьи Цинь ведь туншэн? У них дома и сами написать могут!

Цяо Хуэйлань поспешно убрала руку и неловко стала теревить одежду обеими руками, потом сухо рассмеялась и сказала:

— Я всего лишь шутила с Лю-гэром, а вы и правда поверили! Этот гэр почтительный, вот я и подумала, что он принёс новогодний подарок... Не ожидала... видно, это я слишком много вообразила.

Произнося последнюю фразу, она ещё прикусила губу и опустила голову, на лице появилась лёгкая потерянная, будто это Лю Гуюй был непонимающим и не принёс ей подарка. Деревенские больше всего любили смотреть на шумные сцены, так что все с интересом уставились на них.

Цяо Хуэйлань снова сказала:

— Впрочем... мой Цзайвэнь всё-таки сюцай, его почерком можно занять немного счастливой учёной удачи! Эй, Гуюй, ты правда не хочешь? Может, принесёшь домой, наклеите, позаимствуете немного везения, и ваш эрлан в следующем году тоже сможет сдать на сюцай!

— Ай-я! Вот ведь рот у меня болтливый! Я забыла... Цинь-эрлан ведь уже больше двух лет как бросил учёбу, столько времени книг не читал, боюсь, с экзаменом ему будет трудно... Ай, и правда жаль, такой умный ребёнок.

Послушать только эти слова - и правда резали слух.

Лю Гуюй уже собирался уходить, но, услышав это, снова повернулся обратно. Он бросил взгляд на Лю Цзайвэня, который уже остановил кисть и сидел с недовольным лицом.

Лю Гуюй неторопливо сказал:

— Всё-таки сюцай, да? Брат Нюдань ведь сдавал провинциальный экзамен? Результаты давно должны были выйти. Ай-я, неужели снова провалился... Ай, и правда жаль, мой старший брат такой умный.

Последнюю фразу он нарочно произнёс, имитируя голос Цяо Хуэйлань, тонко и пронзительно.

Цяо Хуэйлань больше всего боялась, когда при посторонних заговаривали о том, что Лю Цзайвэнь сдавал экзамен на цзюйжэня. Стоило ей услышать слова Лю Гуюя, как она сразу всполошилась. А когда она волновалась, голос становился ещё резче.

— Твой... твой старший брат просто не успел повторить книги! Ему ведь ещё надо заботиться о частной школе, учить детей читать, где ему взять время на книги! Только... только по ночам украдкой посмотреть пару страниц.

Лю Гуюй тут же сделал вид, будто внезапно всё понял, протянул тяжёлое «о-о» и изобразил на лице выражение: «Теперь ясно».

— Понял! Значит, он тайком старается, а потом тайком проваливается.

Стоило этим словам прозвучать, как деревенские, стоявшие в очереди, все расхохотались, держась за животы.

Цяо Хуэйлань оказалась посреди самых разных смешков и почувствовала себя ещё более униженной. В сердце поднялась злость: когда это у этого проклятого гэра язык стал таким ядовитым!

Лю Цзайвэнь разозлился ещё сильнее. Он с хлопком бросил кисть, мрачно уставился на людей и холодно сказал:

— Тётушки и дядюшки, если вы пришли писать парные надписи, спокойно стойте в очереди. Если пришли смотреть на наше семейное представление, прошу возвращаться.

Лю Цзайвэнь всё-таки был сюцаем, и остальные, даже если хотели смеяться, перед ним сдержались.

Но Лю Гуюй не собирался оставлять ему хоть каплю достоинства. Выражение его уже стало серьёзным, и он заговорил вполне чинно:

— У присутствующих дядюшек и тётушек дети тоже здесь учатся, неужели вы ещё не расслышали? Это он жалуется, что ваши дети мешают ему получить учёную степень!

— Ха, кто не знает, ещё подумает, будто дети сюда учиться с пустыми руками приходят. А ведь, если говорить прямо, все платят учителю подношение. Раз взял деньги, так и делай дело как следует. Если считаешь, что дети тебе мешают, тогда просто закрывай частную школу и спокойно готовься дома к экзаменам. И с этими парными надписями то же самое. Все вы пришли не с пустыми руками: кто яйца принёс, кто вяленое мясо или цукаты, кто прямо медяки. Никто не просит писать даром. Товар на деньги - обменялись честно, никто никому не должен, так с чего людям ещё характер свой показывать? Даже звука издать нельзя? В городских торговых рядах и то не такие суровые правила!

Пока не прислушаешься, будто ничего, а прислушаешься - и правда разумно! Верно ведь, они принесли вещи, не бесплатно же требуют!

А семьи, отправившие детей сюда учиться, разозлились ещё сильнее. Лю Цзайвэнь брал за обучение даже больше, чем старый Лю-сюцай; деньги он взял, а в итоге ещё и недоволен, что их дети мешают ему готовиться к экзамену на цзюйжэня! Знали бы раньше, тогда ему вообще не стоило открывать частную школу!

Теперь люди, стоявшие в очереди, уже не могли смеяться по-настоящему. У всех были разные выражения лиц; они переглядывались и в глазах друг друга видели недовольство.

В этот момент спереди подошёл Цинь Жунши.

Лю Гуюй сразу его заметил, поспешно поднял руку, замахал и позвал:

— Эрлан, сюда!

Цинь Жунши подошёл, взял из рук Лю Гуюя корзину, полную мяса, и сказал:

— Матушка увидела, что ты всё не возвращаешься, и велела мне прийти за тобой.

Лю Гуюй склонил голову набок и улыбнулся, радостно сказав:

— Да не нужно было. Я же в деревне, разве могу потеряться?

Они обменялись парой фраз, и в их словах было легко и свободно.

Глядя на то, как они разговаривают, Лю Цзайвэнь, которого Лю Гуюй только что хорошенько осадил, разозлился ещё сильнее. Он яростно уставился на Цинь Жунши, но на лице всё же изобразил вид мягкий и приветливый.

— На этот раз я провалился потому, что учился недостаточно глубоко. Моя матушка тоже просто разволновалась и потому сказала не то. Дядюшки и тётушки, пожалуйста, не принимайте близко к сердцу.

Сказав это, он снова посмотрел на Цинь Жунши и чуть вытянул шею, невольно показывая позу человека, смотрящего свысока.

— Цинь-сяотуншэн, хотя моего отца уже нет, частная школа всё ещё открыта. Если у тебя в учёбе есть что-то непонятное, можешь прийти спросить меня. Я старше тебя на несколько лет и, пусть знания мои не так глубоки, всё же я уже сдал на сюэцай, так что научить тебя ещё могу.

Цинь Жунши сначала не собирался обращать на него внимания, но Лю Цзайвэнь сам назвал его по имени. Ему оставалось лишь неторопливо подойти к Лю Цзайвэню. Он не сразу заговорил, а сперва посмотрел на уже написанные на столе весенние парные надписи.

Заметив взгляд Цинь Жунши, Лю Цзайвэнь подсознательно захотел их прикрыть. Его иероглифы действительно были некрасивы. Обманывать деревенских ещё куда ни шло, но перед Цинь Жунши всё сразу становилось явным.

Цинь Жунши заговорил, и речь его была даже не о почерке. Он сказал:

— В парных надписях нельзя, чтобы один и тот же иероглиф повторялся на одинаковом месте. В верхней и нижней строке третий иероглиф - «пин». Это больная пара.

Лю Цзайвэнь:

— ...

Лицо его мгновенно потемнело, а старик, стоявший первым в очереди, тоже испуганно ахнул.

Цинь Жунши посмотрел на него и спросил:

— Дядюшка Чэнь, это ваши весенние надписи?

Старик кивнул. На губах Цинь Жунши проступила лёгкая презрительная улыбка, и он продолжил:

— Ещё последняя фраза - «проститься с Циндун». По смыслу она сама по себе, пожалуй, не ошибочна, но я помню, что в доме дядюшки Чэня в этом году родился внук, как раз зимой, и его зовут Циндун, верно?

— Иероглиф «цы» означает прощаться, уходить. Использовать его здесь, боюсь, неуместно.

Лю Цзайвэнь:

— ...

Лицо Лю Цзайвэня стало до крайности некрасивым, мрачным настолько, будто с него вот-вот закапают тушь. Не то чтобы он не знал запретов при написании парных надписей. Просто считал, что деревенские не знают грамоты и не понимают учёности, а значит, если он отнесётся к делу кое-как, никто этого не заметит.

А что до «Циндун»... кто вообще помнит его внука!

Но беда была в том, что имя «Циндун» тоже дал Лю Цзайвэнь. В деревне был всего один сюцай, и те семьи, что особенно дорожили детьми, приносили подарки и приходили просить его дать ребёнку имя. Семья Чэнь тогда специально принесла курицу, чтобы попросить его помочь с именем, и он как раз выбрал «Циндун».

Ещё хуже, чем у Лю Цзайвэня, стало лицо старика, стоявшего первым в очереди. Старик книг не читал и не понимал ни «повторяющихся иероглифов на одинаковом месте», ни «больной пары», но последние слова Цинь Жунши он понял прекрасно.

Дядюшка Чэнь тут же изменился в лице, одним движением выхватил уже отданные яйца и с мрачным лицом начал ругаться. Когда деревенские ссорятся, звучит это отнюдь не приятно: они не стесняются никаких слов. Лю Цзайвэнь от злости покраснел, долго сдерживался и в итоге только и мог повторять:

— Это унижает учёность! Унижает учёность!

А те, кто стоял позади, услышав слова Цинь Жунши, тем более стали недовольны. Больше половины людей взяли свои вещи и ушли.

Цинь Жунши, пользуясь суматохой, тихо ушёл. Он посмотрел на Лю Гуюя, и голос его был мягким:

— Пойдём домой.

Лю Гуюй, наблюдавший всё от начала до конца, украдкой хихикнул и энергично кивнул:

— Хорошо!

<http://bllate.org/book/17177/1697020>